

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ОСКОРБИТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИЕЙ ЛИЦА (ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ИНВЕКТИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА)

К.И. Бринев, Н.И. Тюкаева

Ключевые слова: оскорбление, речевой акт, прагматика, лингвистическая экспертиза.

Keywords: insult, speech act, pragmatics, forensic linguistics.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-02

Настоящая статья посвящена теоретическому обсуждению прагматического статуса ивективных высказываний с оскорбительной номинацией лица¹.

Необходимость теоретического обсуждения связана с тем, что без него невозможны обоснованные и корректные выводы в ходе производства судебной лингвистической экспертизы по категориям дел, которые имеют отношение к инвективному функционированию языка. Невозможны также обоснованные и корректные методики, в которых должны фиксироваться системы универсальных высказываний наряду с описанием процесса логического вывода, что и позволяет переходить в логическом аспекте от общих знаний к описанию конкретной ситуации и, соответственно, решать конкретную экспертную задачу.

Необходимость теоретического описания, по нашему мнению, также тесно увязана с юридической идеей специальных познаний, которая является основой для привлечения специалистов из различных областей знаний для установления значимых для разрешения дела фактов. Кратко эту идею можно сформулировать следующим образом: «Существуют факты, которые могут быть установлены, если обратиться к какой-то области науки, искусства или ремесла, и они не могут быть установлены без привлечения знаний из этих областей». Несмотря на то что эта идея очень проста, на наш взгляд, она до конца не осознана в судебной лингвистической экспертизе, не оценена ее продуктивность.

Например, к какой области лингвистики (семантический синтаксис? теория речевых актов?) принадлежит знание о том, какие из высказы-

¹ Рассмотрены высказывания вида *Гнида!*, *Мразь!*, *Урод!*

ваний являются верифицируемыми, а какие нет? Если ответ на этот вопрос будет сформулирован: «Ни к какой из известных нам областей», — то, во-первых, это означает, что в лингвистике не существует теории верифицируемости высказываний, а во-вторых (и это следует необходимо из первого), что при производстве конкретных экспертиз лингвист не опирается на специальные познания в области своей науки, а делает не более обоснованный вывод, чем его бы сделал любой произвольный человек, выбранный случайным образом судьей для того, чтобы «избранный» выразил в судебном заседании свое мнение по поводу верифицируемости конкретного высказывания, на том же основании судья сам может решать, что есть факт, а что есть мнение [Бринев, 2019].

Что касается инвективного функционирования языка и инвективных высказываний, то, конечно, нельзя утверждать, что они не имеют отношения к лингвистической теории, однако нельзя также сказать, что их теоретическое описание является удовлетворительным и не нуждается в обсуждении. По нашему мнению, до сих пор остаются актуальными вопросы о статусе инвективных высказываний в рамках теории речевых актов, о цели этих высказываний, о природе их перлокутивного эффекта. Решению части этих проблем и посвящена настоящая статья; отметим, однако, что в статье рассматриваются не все инвективные высказывания, а только высказывания, которые содержат оскорбительные номинации лица. Это высказывания вида *Гнида!*, *Ты гнида!*, *Я с этой гнидой не хочу разговаривать!*. Последнее высказывание мы рассматриваем как вариант базового высказывания *Гнида!*, опираясь при этом на результаты, которые получила А. Вежбицкая в статье «Дескрипция или цитация» [Вежбицкая, 1982].

Начнем обсуждение с параметра **цели** данного типа инвективных высказываний. Как мы уже отметили, нельзя сказать, что проблема описания этого параметра имеет какое-то удовлетворительное решение в судебной лингвистической экспертизе. Так, например, не совсем понятным видится обобщение цели инвективных высказываний, которое представлено в [Галяшина, 2021; Изотова, Кузнецов, Плотникова, 2016] и сформулировано как «информирование о негативном (неуважительном, презрительном) отношении к адресату, который, по мнению говорящего, не заслуживает хорошего отношения, не достоин уважения» [Изотова, Кузнецов, Плотникова, 2016, с. 36].

Из этого описания следует, что существует некое экспрессивное речевое действие с иллокутивной целью репрезентатива. Насколько нам известно, о существовании таких речевых действий или актов не ска-

зано ни в одном научном источнике, который посвящен семантике или теории речевых актов. По нашему мнению, есть некоторая разница между тем, чтобы сообщать или информировать кого-то о том, что ты испытываешь раздражение, и испытывать раздражение, с одной стороны, и говорить таким образом, что твоя речь будет являться в том числе и симптомом того, что ты испытываешь раздражение, и испытывать раздражение, с другой стороны. Другими словами, фраза *Сим общаю тебе, что испытываю к тебе враждебные и презрительные чувства*² является именно сообщением или информированием о том, что некто относится к кому-то враждебно и презрительно, тогда как фраза *Убери свои грабли, я сказала!*, произнесенная женщиной по отношению к мужчине, который «распускает руки», является именно побудительным речевым актом, в котором на лексическом и интонационном уровне кодируется и то, что это выражение является симптомом того, что говорящий испытывает по отношению к слушающему или по отношению к его действиям отрицательные эмоции.

Однако отметим, что параметр цели инвективного речевого действия действительно весьма трудно обобщить. Этот параметр не обобщается уже в случае достаточно простой коммуникативной ситуации — ситуации, в которой принимают участие три человека, но когда инвективное высказывание непосредственно не адресуется инвектуму. Мы имеем в виду высказывания вида *Он же гнида!*, *Я с этой гнидой не хочу знаться!*, *Знаешь, что вчера эта гнида сделала?* и др., которые адресованы третьему лицу, но имеют референцию к инвектуму. Понятно, что относительно некоторых из таких высказываний можно утверждать, что в них реализуется компонент «желая, чтобы ты чувствовал нечто плохое, говорю Р» (например, *Смотри, гнида пришла!*, о человеке, который только что вошел в двери), но думаем, что относительно большинства случаев таких употреблений этого утверждать невозможно. Интуитивно кажется, что в таких употреблениях говорящий высказывает оценку, но при этом знает, что его высказывание способно оскорбить инвектума, но для инвектора это оказывается неважным: он, если так можно выразиться, относится к этому безразлично.

² Не думаем, что создатели данной концепции готовы признать, что выражение *Сим информирую тебя о том, что я ох*енно тебя презираю*, отправленное инвектором инвектуму по электронной почте или простым письмом, имеет какое-то отношение к оскорбительным речевым действиям, имеющим неприличную форму выражения, но именно эта фраза является в прямом смысле информированием о враждебном отношении, тогда как практически у любого оскорбительного речевого действия нет иллюкативной или коммуникативной цели «проинформировать».

На это свойство инвективных высказываний обращали внимание Е.М. Вольф и Н.А. Трофимова.

Так, Н.А. Трофимова отмечает, что несмотря на то что «шокирующая роль инвективы, обращенной к третьему лицу, ничуть не меньше, чем в случае прямого оскорбления», формально высказывание, обращенное к третьему лицу, «является оценочным речевым актом» [Трофимова, 2008, с. 217]³.

Проблемы с обобщением целевого параметра становятся еще более очевидными, если включить в рассмотрение негативно-оценочные высказывания о близких инвектуму людях, примером которых могут служить такие высказывания, как *Твоя мать — гнида позорная!* или *Признайся, что твоя мать просто шл*ха!*, где в последнем случае говорящий имеет в виду действительный факт — наличие у матери инвектума нескольких за короткое время сексуальных партнеров.

Также хорошо известно, что инвектива, которая произносится в отсутствие инвектума, приобретает статус оценочного высказывания.

Названные закономерности ясно сформулированы в той же монографии Н.А. Трофимовой: «Оскорбление отсутствующего объекта в присутствии слушающего представляет собой отрицательный оценочный речевой акт, говорящий имеет намерение убедить адресата высказывания в своей точке зрения: *Dieser Mann ist ein absoluter Ekelpraker (G-T, 362)*. Перлокутивный эффект (чувство оскорбленности у адресата) не наступает, и реакция оскорбленного объекта не следует, если только объект оценки не является близким человеком для слушающего (адресата или присутствующего третьего лица). В таком случае слушающий может потребовать обоснования оценки, и в случае ее необоснованности или недостаточной обоснованности адресат высказывания может превратиться в адресата оскорбления» [Трофимова, 2008, с. 217].

Безусловно, что предложенное описание корректно, но относительно высказываний о близких инвектума нужно добавить следующее. Во-первых, в обоих приведенных нами выше примерах инвектор,

³ См.: «Важным ситуативным условием совершения инвективного речевого акта является личное присутствие адресата оскорбления при его вербализации, причем он может быть не адресатом речевого акта, а третьим присутствующим при разговоре лицом. Формально такое высказывание является оценочным речевым актом (*Georg war immer ein Idiot. Ein nutzloser Schwächling (R-L, 197); Verdammt! Noch zwei so Luftverpester! Werde bald allein mit diesem Kropnzeug in meinem Laden sein! (T-G, 13)*), однако именно его стратегический характер, учитывающий присутствие обсуждаемых лиц, и намеренный выбор инвективных лексем (*Idiot, Schwächling, Luftverpester, Kropnzeug*) индицируют инвективную интенцию. На наш взгляд, шокирующая роль инвективы, обращенной к третьему лицу, ничуть не меньше, чем в случае прямого оскорбления» [Трофимова, 2008, с. 217].

по меньшей мере, способен предполагать, что оба высказывания могут оскорбить собеседника, несмотря на то что в них ничего не говорится о последнем, т.е. говорящий в данном случае может прогнозировать перлокутивный эффект обиды. Во-вторых, оба приведенных нами высказывания совместимы с целью оскорбить именно собеседника, а не его близкого (в наших примерах — мать слушающего). Особенно это понятно во втором случае, где говорящий указывает на социально неодобряемое поведение матери слушающего, что может интерпретироваться и как негативная оценка поведения близкого инвектуму человека, но также может быть совместимо с целью понизить статус инвектума, в последнем случае реализуется смысл наподобие *Сам ты ..., и мать у тебя шл*ха!*. Из этого следует, что, по крайней мере, относительно некоторых высказываний будет справедливым утверждение, что они не требуют обоснованности произведенной оценки, а оскорбляют, так сказать, «напрямую».

Относительно же высказываний, которые употребляются в отсутствие инвектума, нужно внести следующее уточнение. В целевом отношении они, конечно, представляют собой оценку (=выражают отношение к инвектуму) или экспрессив (=выражают некоторое эмоциональное состояние инвектора), но говорящий при этом в каком-то отношении знает, что, будучи переданным, высказывание, в котором заключено негативное отношение или выражение эмоций, способно оскорбить лицо, которое является объектом этой оценки или причиной этого негативного эмоционального высказывания. При этом высказывание *Его мать гнида позорная!*, будучи передано лицу, к которому осуществляется референция в этом высказывании, способно не в меньшей (если не в большей) мере породить эффект оскорбления⁴.

В контексте теории речевых актов проблемы, которые возникают при описании инвективных речевых действий, ставят под сомнение то, что оскорбление, или в другой терминологии — инвективный речевой акт, является иллокутивным актом. Кажется правдоподобным, что оскорбление как речевое действие не удовлетворяет ни перформативному крите-

⁴ См. об этом у В.И. Жельвиса: «Укажем на еще один фактор, влияющий на восприятие словесной агрессии: для воспринимающего существенно, обращена она против непосредственно присутствующего человека или употреблена в его отсутствие. В последнем случае она часто вполне допустима и не носит характера откровенного личного выпада. Обычно в таком случае ее шокирующая роль несоизмеримо меньше, чем в случае прямого обращения, даже если употребленные выражения объективно очень резки. Будучи же передана „услужливым“ участником разговора адресату, она становится оскорбительной, как если бы была обращена прямо по адресу» [Жельвис, 2001, с. 78].

рию Дж. Остина, ни критерию наличия намерения к тому, чтобы слушающий опознал намерение говорящего П. Стросона [Стросон, 1986], ни тому, что Дж. Серль называл иллокутивной целью речевого акта, которую он положил в основание своей классификации речевых актов.

Дж. Остин исключил оскорбление из итогового перечня иллокутивных актов. Так, он утверждает, что «...иногда произнесение определенных слов оказывается на деле осуществлением некоторого действия: например, человека можно и оскорбить, и упрекнуть, однако нет такого перформатива „Я оскорбляю тебя“. Наш критерий годится не для всех случаев произнесения высказывания, равнозначного действию, поскольку не всегда представляется возможным его „сведение“ к эксплицитному перформативу» [Остин, 1986, с. 67]⁵.

Дж. Остин интерпретировал оскорбление, скорее всего, как перлокутивный акт. Напомним, что в качестве одного из критериев разграничения иллокутивных и перлокутивных актов Дж. Остин вводит оппозицию «in saying / by saying», которая соответствует оппозиции «говоря (=путем говорения) x, я совершаю X / с помощью высказывания x я совершаю Y». Другими словами, когда кто-то говорит *Я приказываю*, тем самым он именно приказывает (in saying), когда же кто-то говорит *Я застрелю тебя*, то он может, например, напугать слушающего (by saying) [Остин, 1986, с. 101].

Несколько слов в связи с изложенным необходимо сказать об «иллокутивном самоубийстве» Вендлера [Вендлер, 1985], потому что может показаться, что его (Вендлера) теория способна объяснить трудности, которые связаны с отсутствием перформативного употребления глагола «оскорблять».

По нашему мнению, несмотря на то что Вендлер, бесспорно, открыл значимые для теории речевых актов закономерности в функционировании перформативов, его концепция не внесла ясность в разграничение иллокутивных и перлокутивных актов, и это становится хорошо

⁵ См. также в другом месте его работы: «Раз оскорбление является конвенциональной процедурой, по преимуществу вербальной, мы в какой-то мере вынуждены понимать ту процедуру, к которой задумал обратиться человек, сказавший: „Я оскорбляю вас“. И все же мы стоим перед необходимостью отказаться от нее прежде всего потому, что смутно ощущаем присутствие некоего препятствия, мешающего окончательно признать эту конвенцию, хотя природа этого препятствия не вполне нам понятна» [Остин, 1986, с. 43]. Вполне вероятно, что Остин все-таки сомневался относительно статуса оскорбления, в другом месте он отмечает любопытный факт: «Но я слышал, что во время расцвета студенческих дуэлей в Германии было принято, чтобы члены одного клуба проходили рядами мимо членов соперничающего клуба и каждый вежливо говорил своему противнику „Beleidigung“, что означает „Я оскорбляю вас“» [Остин, 1986, с. 47].

понятным на фоне его описания самого «ясного» случая, а именно, описания так называемого иллокутивного глагола *лгать*⁶. На наш взгляд, является очевидным то, что ложь является перлокутивным, а не иллокутивным актом. Чтобы ложь была успешным речевым действием, говорящий должен произвести иллокутивный акт утверждения (репрезентатив по Серлю или констатив по Остину), а слушающий должен воспринять этот иллокутивный акт именно как акт, в котором говорящий берет на себя ответственность за истинность утверждаемого высказывания. И если говорящий предварит свое высказывание «перформативом» *Я лгу* (буквально скажет *Я лгу, что я не брал эти деньги*), то он не добьется именно желаемого перлокутивного эффекта или результата, который заключается в желании говорящего, чтобы слушающий думал, что истинно *Р* (истинно, что говорящий не брал деньги), в то время как *Р* является ложным (т.е. он все-таки эти деньги взял). Таким образом, в этом случае происходит не иллокутивное, а именно перлокутивное самоубийство, так как, формулируя свою цель в виде перформатива, говорящий никогда не сможет достичь желаемого эффекта. Таким образом, речевой акт лжи относится к классу «*by saying*»: ***при помощи высказывания Р я делаю так, чтобы ты думал, что Р истинно.***

Сказанное делает необходимым рассмотрение возможности описания оскорбления или инвективы не как иллокутивного, но как перлокутивного⁷ речевого акта (или речевого действия)⁸. Данное предположение, если оно верно, должно удовлетворять следующему требованию: перлокутивный речевой акт инвективы должен исполняться при помощи какого-то иллокутивного акта, т.е. в остиновском смысле он представляет собой «*by saying*».

Думается, что есть две возможности, которые мы рассмотрим отдельно. Первая из них связана с включением инвективы в класс экспрессивов. Эта возможность отмечается в работах Е.М. Вольф [Вольф, 1985], Н.А. Трофимовой [2008], Ю. Левина [Левин, 1996], в которых инвектива соотносится с серлевскими экспрессивами. Но как нам кажется, эта позиция лучше согласуется как раз с концепцией Остина, кото-

⁶ Описание «иллокутивных» глаголов «ругать» и «поносить» у Вендлера, на наш взгляд, менее ясно, чем описание глагола «лгать».

⁷ Сказанное, по нашему мнению, оставляет открытым вопрос о соотношении иллокутивных и перлокутивных актов в теории речевых актов, и здесь мы хотели бы обратить внимание на недавние работы И.Б. Шатуновского, в которых эта проблема сформулирована очень ясно и которые повлияли на наше описание инвективных речевых актов [Шатуновский, 2016; 2017].

⁸ Мы употребляем выражения «перлокутивный речевой акт» и «перлокутивное речевое действие» как синонимичные.

рый, с одной стороны, включал ругань в класс бехабитивов с иллюкуцией «отвести душу», с другой, отмечал, что она (ругань) способна вызвать некоторый перлокутивный эффект. Проиллюстрируем это высказываниями из работы Остина.

«Четвертый класс — бехабитивы — очень смешанная группа, связанная с общественным поведением и взаимоотношениями людей. Примеры: извинение, поздравление, похвала, соболезнование, **ругань** и вызов (на состязание, дуэль и т.п.)» [Остин, 1986, с. 119] (выделено нами. — К.Б.; Н.Т.).

Здесь Остин недвусмысленно указывает на то, что ругань является иллюкутивным актом.

«Мы можем вызвать чувство в ходе или посредством произнесения высказывания, как при ругани; но и здесь мы не можем воспользоваться перформативными формулами и другими механизмами иллюкутивных актов. Можно сказать, что мы используем ругань или божбу (swearing) для того, чтобы отвести душу» [Остин, 1986, с. 90].

В этом же высказывании он формулирует иллюкутивную цель этого речевого акта (отвести душу) и указывает на возможность перлокутивного эффекта «вызвать чувство» при помощи употребления (by saying) иллюкутивного акта ругани.

Если рассматривать инвективу подобным образом, то это речевое действие будет являться вариантом остиновского бехабитива, при производстве которого «затрагиваются» чувства слушающего (бехабитив с некоторым дополнительным перлокутивным эффектом), или вариантом серлевского экспрессива с некоторым отличием от чистых экспрессивов в том, как оно соотносится с интересами говорящего или слушающего⁹ (=т.е. экспрессив, который оскорбляет)¹⁰.

⁹ Это будет примерно тем же самым, на что указывал Серль в своей классификации параметров речевых актов и что он называл «различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего». См., например: «Рассмотрим, например, различия между похвальбой и жалобами, между поздравлениями и выражением сочувствия. В этих двух парах видно различие между тем, что в интересах, и тем, что не в интересах говорящего или слушающего, соответственно» [Серль, 1986, с. 175]. Эти отличия в данном случае порождают варианты репрезентативов (и похвальба, и жалоба — репрезентативы), эти варианты образуются так же, как обещание и угроза, которые являются комиссивными речевыми актами, соотношенными, соответственно, с положительными и отрицательными интересами слушающего. В случае инвектив в этом смысле мы будем тогда иметь «чистый экспрессив» и «экспрессив, соотношенный отрицательным образом с интересами слушающего».

¹⁰ Отметим, однако, что моделирование инвективных актов в серлевской традиции требует пересмотра его классификации, что, по нашему мнению, не замечалось в концепциях экспрессивного подхода, в котором просто предлагалось расширить его классификацию [Вольф, 1985].

Вторая возможность, которая, на наш взгляд, имеет большой объяснительный потенциал, связана с признанием инвективных высказываний вида *Гнида!* и др. как речевых актов называния¹¹, таких, которые соответствуют перформативным высказываниям *Я называю тебя гнидой*. Другими словами, когда кто-то говорит кому-то: *Гнида!*, он осуществляет действие: называет этого кого-то словом *гнида*. Таким образом, имеется иллокутивный акт в смысле Остина, который может быть выражен соответствующим перформативным высказыванием.

Это вытекает, по нашему мнению, из семантико-синтаксических свойств этих высказываний. Очевидно, что высказывания вида *Ты гнида!* не соответствуют пропозициональной структуре S есть P, где некоторому субъекту приписывают некоторое свойство. Когда кто-то говорит, что госпожа Петрова — старая облезлая кошка, он не включает госпожу Петрову в класс, который образуется пересечением класса кошек и облезлых вещей, хотя, может быть, включает в класс немалых людей. Идею перформативов такого типа хорошо иллюстрируют номинации *урод*, *иуда*, *чикатило в юбке*¹², которые восходят к именам собственным. Это также хорошо видно при функционировании таких слов, как *урод*, *нид*рас*, *ил*ха*. Когда говорящий говорит кому-то *Урод!*, его целью не является описание внешности слушающего, т.е. такое высказывание ни в каком смысле не является дескриптивным высказыванием, то же самое касается и слова *ил*ха*, которое способно употребляться как инвектива и по отношению к девушке, относительно которой говорящему известно, что она не имела опыта сексуальных отношений, более того, это слово может быть употреблено и по отношению к мужчине.

Интересный пример, который иллюстрирует описанные тезисы, приводится в работе В.И. Жельвиса:

<...> Было уже довольно темно, когда я отвел Патрицию Хольман домой. Медленно возвращался я назад. На душе у меня стало вдруг одиноко и пусто <...> Черт побери! Меня круто развернуло, потому что я налетел на какого-то толстенького человечка. «Эй! — прорычал толстяк, кия от бешенства. — Протри глаза, ты, неуклюжий пук соломенный!». Я не отвел глаза. «Ты что, не привык людей встречать, а?» — продолжал он гавкать. Он попался мне как нельзя более кстати. «Людей-то я встречал, — ответил я, — но вот не видал, чтобы по улице ходили пивные бочки». Толстяк ни минуты не помедлил с ответом. Он

¹¹ В классификации Остина — это перформатив «call», который включается им в подгруппу 7с экспозитивов.

¹² Пример С.В. Дорониной из проведенного ею экспертного исследования.

застыл, раздулся и прошипел: «Знаешь что? Иди-ка ты в зоопарк! Нечего сонным кенгуру на улице делать!» Я сообразил, что имею дело с ругателем высокого класса. Ну что ж, несмотря на мое угнетенное состояние, нельзя было ронять свое достоинство. «Ступай своей дорогой, ты, полоумный семимесячный недоносок!» — сказал я и поднял руку в благословляющем жесте. Он пропустил мой совет мимо ушей. «Пусть тебе в башку хоть бетон жидкий зальют, павиан ты бесхвостый!» — пролаял он. Я запустил в него плоскостопым декадентом. Он в меня — линючим какаду. Я его двинул безработным мойщиком трупов. На это он уже с некоторым уважением обозначил меня как коровью голову, пораженную раковой опухолью. Тогда я, чтобы уж на том и закончить, назвал его бродячим кладбищем бифштексов. И тут лицо его просияло. «Бродячее кладбище бифштексов — это здорово, — сказал он. — Я такого еще не слышал. Включу в свой репертуар. Ну, а пока...» Он приподнял шляпу, и мы расстались, преисполненные взаимного уважения. Перебранка меня освежила. (Перевод В.И. Жельвиса) [Жельвис, 2001, с. 48].

Очевидно, что в представленной «дуэли» **названий** «победила» номинация *бродячее кладбище бифштексов*, понятно, что к другим речевым актам эта «дуэль» не имеет никакого отношения. Например, нельзя сказать, что *бродячее кладбище бифштексов* было одним из лучших средств выразить негативную эмоцию в этой коммуникативной ситуации, если бы мы захотели рассматривать эти инвективы как экспрессивные речевые акты с негативной оценкой слушающего¹³.

Редукция инвективы к перформативам «call», по нашему мнению, хорошо объясняет все трудности, которые связаны с обобщением цели инвективных высказываний. Слушающий идентифицирует все инвективные высказывания по иллокутивному акту называния, т.е. по речевому действию, которое несет информацию о том, как говорящий его (слушающего) называет. При этом инвектуму неважно, с какой целью его так называют: хочет ли говорящий оскорбить его, обращается ли он к третьему лицу для того, чтобы тот разделил его оценку по поводу инвектума, или произносит он это высказывание с какой-то иной целью. Именно поэтому высказывания *Ты гнида!*, произнесенное с агрессией и адресованное инвектуму, и *Я с этой гнидой за один стол не сяду!*, произнесенное с мольбой в голосе и адресованное третьему лицу, одинаково оскорбительны для инвектума, потому что в обоих случаях инвектум понимает, что был осуществлен речевой акт, в котором его на-

¹³ Вспоминается достаточно большой ряд детских инвектив-названий, которые отчасти носят инвективный и отчасти игровой характер: «гусь бритый», «сопля на подтяжках», «унитаз на педалях», «гвоздь беременный».

звали гнидой. Нужно при этом отметить, что и сам говорящий понимает, что когда он называет (=осуществляет действие) кого-то гнидой или г*воном, то независимо от общей коммуникативной цели этот речевой акт несет в себе перлокутивный эффект оскорбления. Другими словами, перлокутивный эффект в данном случае конвенционализован в таком речевом акте, в частности, он конвенционализован в самих лексических единицах, которые и выполняют функцию названий в этом иллокутивном акте.

То же самое можно сказать и о речевых актах, которые производятся относительно близких инвектума. Перлокутивный эффект оскорбления или обиды в них также носит конвенциональный характер. Говорящий, если он уверен, что слушающий разделяет, что Р, когда называет мать слушающего гнидой, может быть уверен и в том, что перлокутивного эффекта оскорбленности у слушающего не возникнет.

Предположим, что слушающий «согласен» с высказыванием *Твоя мать — гнида!* (это вполне возможно, так как к матерям относятся по-разному), тогда возможно, что друг, который называет мать слушающего гнидой, может быть уверен, что слушающий не оскорбится, но оба они при этом понимают, что относительно матери слушающего произведен иллокутивный акт «называния» с конвенциализованным эффектом оскорбления. Возможна и другая ситуация, в которой, несмотря на то что слушающий согласен с высказыванием Р, он считает, что никто не имеет права так **называть** его мать. Ситуация, в которой инвектор не знает о том, что слушающий согласен с Р, описывается тривиальным образом как ситуация с конвенциализованным перлокутивным эффектом оскорбления или обиды не только по отношению к матери инвектума, но и по отношению к самому инвектуму.

Далее необходимо рассмотреть, что собой представляет речевой акт, который Остин сводил к перформативу «call» (называть). Напомним, что этот речевой акт по-разному рассматривается у Остина и у Серля. Остин включал этот речевой акт в класс экспозитивов, Серль же включил данный речевой акт в класс репрезентативов, не признавая самостоятельный статус этого речевого акта.

Отмечая, что речевые действия, такие как «диагностировать», «называть», «идентифицировать», имеют другой синтаксис, нежели типовые репрезентативы, Серль говорит: «Имеются, таким образом, по-видимому, очень строгие ограничения на один из типов репрезентативных глаголов, отсутствующие в случае других типов. Значит ли это, что необходимо принять, что эти глаголы были ошибочно помещены в рубрику репрезентативов наряду с глаголами типа „констатировать“,

„утверждать“, „заявлять“ и „предсказывать“ и что необходимо выделить их в отдельный класс? Ведь можно было бы сказать, что существование этих глаголов подтверждает точку зрения Остина о необходимости выделения класса вердиктивов, отличного от экспозитивов. Но такой вывод был бы, несомненно, странным, поскольку Остин многие из названных выше глаголов относит к категории экспозитивов. Он расценивает „описывать“, „классифицировать“, „идентифицировать“ и „называть“ как экспозитивы, а „диагностировать“ и „описывать“ как вердиктивы. Обычный синтаксис многих вердиктивов и экспозитивов вряд ли подтверждает выделение вердиктивов в отдельный класс. Однако, отвлекаясь от таксономии Остина, вопрос можно поставить так: нужна ли отдельная семантическая категория для объяснения этих синтаксических фактов? Думаю, что не нужна» [Серль, 1986, с. 190].

Серль, на наш взгляд, справедливо критикует Остина за то, что он отнес перформатив «называть» к классу экспозитивов. Также он справедливо замечает, что в классификации Остина такие речевые акты должны быть рассмотрены, скорее, как вариант вердиктивов, но Серль, по нашему мнению, не прав, когда утверждает, что все такие речевые акты сводимы к репрезентативам.

Действительно, можно выделить речевые акты, которые имеют экспозитивные черты и имеют поверхностную структуру речевых актов называния, такие речевые акты распространены в научном стиле. Примером такого речевого акта может служить следующее высказывание: «Действие **Р называется** коммутативным в классе **К**, если результат этого действия не зависит от порядка элементов класса **К**, на которых оно выполняется» [Тарский, 1948, с. 223]. Но такие высказывания относятся, скорее, к перформативу «определять» (define — класс 7а остиновских экспозитивов), но не к перформативу «называть». Это так называемые номинальные определения, в которых устанавливается равенство имени и пропозициональной функции или конъюнкции пропозициональных функций. В приведенном примере утверждается, что имя «коммутативный» далее в тексте будет употребляться в значении «свойство или действие, которое не зависит от порядка элементов». «Определять» в данном случае имеет черты и комиссивов, на это указывал и сам Остин. Определяя так коммутативность, говорящий берет на себя обязательство употреблять термин «коммутативный» в этом, указанном в тексте значении, а не в другом.

Таким образом, речевые акты «call» не равны речевым актам «define», которые связаны с определением и эквивалентным употреблением единиц текста. Поэтому Серль был прав, исключив их из класса экс-

позитивов. Но также справедливо, что не все из таких речевых актов могут быть включены в класс репрезентативов. Они, на наш взгляд (и как на это справедливо указывал Серль), представляют собой именно вердикты, это решения по поводу фактов, они оценивают факты. Даже в простейшем случае, когда, например, находясь на природе, мы называем пень столом, мы ни в каком приемлемом смысле не описываем и не определяем пень, мы фиксируем наше решение использовать *этот пень* как стол, также при этом фиксируется решение о том, что в этой коммуникативной ситуации на всем ее протяжении¹⁴ слово *стол* будет отсылать к ранее принятому нами решению и будет иметь референцию к пню.

Это утверждение справедливо как для собственно инвектив типа *гнида*, так и для инвектив, которые имеют в своем значении дескриптивный элемент, таких, например, как *убийца*.

Приведем примеры, которые иллюстрируют данный тезис. Начнем с собственно инвективного употребления.

Вера уже собиралась воскликнуть что-то вроде: «А вот и мы!» или «Смотрите, что мы принесли!», но Евдокия придержала её рукой и дала знак молчать. Они тихо стояли в стороне и наблюдали за тем, что происходило у озера. Валентин безмятежно спал, пригревшись на солнышке. А Михаил и Майя лежали рядышком, глядя на плещущуюся перед ними воду, и о чём-то беседовали — судя по всему, очень романтически, потому что правая рука Михаила покоилась там, где ей не полагалось. — Вот же гнида, — тихо проговорила Вера. — Девчонка ему в дочери годится, а он! — Ну, я им сейчас обоим покажу! — прошептала возмущённая Евдокия. Вера остановила её: — Не делай ничего сгоряча (Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене. 2014).

Очевидно, что выражение *вот же гнида* в данном тексте является выражением, которое фиксирует некоторое решение по поводу конкретного факта (рука персонажа находится «не там, где ей полагалось быть»), это своего рода вердикт, который один из персонажей выносит по поводу поведения другого персонажа. Другими словами, собственно инвективные названия никогда не произносятся вне решений по поводу каких-либо конкретных фактов, даже если они адресованы непосредственно инвектуму и являлись первым высказыванием в данной коммуникативной ситуации. Начало общения с названием кого-то *гнидой* просто означает, что говорящий оценивает факты, которые стали из-

¹⁴ Мы можем находиться на природе в этом конкретном месте, где находится этот конкретный пень, достаточно долго и употреблять в течение этого времени слово «стол» с референцией к пню.

вестны ему до коммуникативного взаимодействия. Вердиктивный характер этих речевых актов проясняется в возможности употребления инвективных названий в таких выражениях, как *Так только гниды поступают, Почему ты ведешь себя, как гнида?*, в которых как бы присутствует обобщенное представление о фактах, наличие которых позволяет вынести соответствующий вердикт: *Ты гнида!*

Сказанное справедливо и для речевых актов называния, где употребляется слово, имеющее в своей семантике дескриптивный элемент. Приведем пример, который иллюстрирует это утверждение.

Около телеграфного столба теснилась толпа. На столбе висела женщина. Чтобы не нарушать телеграфную связь, к столбу прибили длинную планку, эдак метра на полтора. У девушки было чугунное, набухшее кровью лицо, две шпильки тускло поблёскивали в рыжих волосах — они были аккуратно заплетены в какую-то несложную, но высокую причёску.

Когда Курт подошёл, на него даже не посмотрели. Люди стояли молча, полностью уйдя в ужас созерцания. Да и в самом деле было почему-то невозможно оторваться от этого чугунного лица и двух стёртых, тусклых шпилек в высокой причёске...

...Он отвернулся.

— Её давно повесили? — спросил он какого-то старика в жилетке, с котелком на голове.

Старик не ответил, словно и не слышал, но рядом со стариком стоял франтоватый, неприятный господин, маленького роста, лысый, с очень нервным и подвижным лицом. Вот он и взглянул на Курта. А затем случилось вот что.

Около самого столба стояла старуха, высокая, костлявая, но с румяным лицом и чёрными жёсткими волосами. То ли сказала она что, то ли глянула не так, как нужно, но вдруг один из солдат перехватил тяжёлый автомат, что очень оттягивал его шею и стеснял все движения, и подошёл к ней вплотную.

— А ну, уйди! — сказал он негромко.

— Я... — начала старуха.

— Уйди! — повторил солдат, не повышая голоса, и взял её за руку. Он сердился. Солнце пекло вовсю, и стоять на посту, под ногами повешенной, тоже было не сладко.

— Убийца! — вдруг громко и отчётливо сказал около Курта лысый франт.

Курт взглянул на него. Тот поймал этот взгляд, поднял руку и дрожащей рукой провёл по груди.

— Убийца! — повторил он ещё раз.

Солдат вздрогнул и глухо сказал:

— *Вот вы как? А ну, посмотрю, кто это ко мне просится!* — и пошёл в толпу (Юрий Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Часть 3. 1943–1958).

Очевиден вердиктивный характер употребления выражения *Убийца!* в представленном фрагменте текста. Данный речевой акт не является описанием какого-то положения дел. Называя (=исполнен речевой акт «call») солдата убийцей, говорящий не утверждает, что этот солдат повесил женщину на столбе, скорее, он обвиняет или осуждает солдата в том, что он ответствен за то, что женщина погибла, что ее повесили, другими словами, он выносит решение по поводу фактов (смерть женщины, солдат служит тем, кто ее повесил и т.п.). Таких примеров достаточно много: когда Сталина или Гитлера называют словом *убийца*, обычно не имеют в виду, что они лично убивали кого-то, но выносят вердикт на основе многих фактов и оценок (они подписывали или отдавали соответствующие приказы, были инициаторами соответствующих законов и т.п.).

Но Серль прав, однако, в том, что единицы, которые имеют дескриптивный элемент в значении, могут употребляться и в составе констативного речевого акта, таким образом, может иметь место омонимия речевых актов.

Наглядно это можно проиллюстрировать высказываниями типа:

*Я с пид*расом за одним столом сидеть не буду*

Очевидно, что такие выражения могут быть интерпретированы двояко. Во-первых, это может означать, что тот, к кому имеет референцию высказывание *Он пид*рас*, является человеком нетрадиционной сексуальной ориентации, и тогда это констатив, который имеет дополнительное значение осуждения. Говорящий считает нетрадиционную сексуальную ориентацию неприемлемой, а потому не считает возможным сидеть с инвектумом за одним столом.

Но, во-вторых, эта же фраза может быть интерпретирована и в смысле «call», когда, например, между инвектором и инвектумом до произнесения этой фразы имел место конфликт, в ходе которого инвектум сделал нечто, относительно чего инвектор полагает обоснованным выносить вердикт: *Ведет себя как пид*рас*. Это значение будет еще более ясным, если инвектумом будет женщина и будет произведено высказывание *Я с пид*расками за одним столом сидеть не буду*, которое включает интерпретацию его как репрезентатива.

Таким образом, в случаях *урод*, *убийца*, *проститутка* и др. мы должны констатировать возможность реализации этих единиц как

в составе репрезентативов, так и в составе речевых актов называния. Поэтому Серль был прав, когда утверждал, что называть кого-то лжецом — это в определенных случаях утверждать, что кто-то солгал, но он не прав, что все речевые акты подобного рода сводимы к репрезентативам, в этом аспекте эти речевые акты являются, на наш взгляд, вердиктивами.

Библиографический список

- Бринев К.И. Факты и оценки, факты и мнения: анализ оппозиций субъективное / объективное, верифицируемое / неверифицируемое // Культура и текст. 2019. № 4.
- Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник. М., 2021.
- Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
- Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова О.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М., 2016.
- Левин Ю. Об обценных выражениях русского языка // Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Стросон П. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
- Трофимова, Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб., 2008.
- Шатуновский И.Б. Перлокутивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2016. № 1.

Шатуновский И.Б. Перлокутивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами (продолжение) // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2017. № 1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // Ковчег. 2014. URL: <https://litbook.ru/article/6137/>

Юрий Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Собрание сочинений в 6 т. Ч. 3. 1943-1958. Т. 2. М., 1992. URL: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROVSKIJ/dombrovsky2.txt>

References

Brinev K.I. *Fakty i ocenki, fakty i mneniya: analiz oppozitsij sub"ektivnoe / ob"ektivnoe, verificiruемое / neverificiruемое*. [Facts and assessments, facts and opinions: analysis of oppositions subjective / objective, verifiable / unverifiable]. In: *Kul'tura i tekst*. [Culture and text]. 2019. No. 4.

Vezhbitska A. *Deskripciya ili citaciya*. [Description or citation]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 13. Moscow, 1982.

Vendler Z. *Illokutivnoe samoubijstvo*. [Illocutionary suicide]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow, 1985.

Wolf E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki*. [Functional semantics of evaluation]. Moscow, 1985.

Galyashina E.I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. [Forensic linguistic examination]. Moscow, 2021.

Zhelvis V.I. *Pole brani. Skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turah mira*. [Battlefield. Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, 2001.

Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova O.M. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po delam ob oskorblenii*. [Forensic linguistic examination in cases of insult]. Moscow, 2016.

Levin Yu. *Ob obscennyh vyrazheniyah russkogo yazyka*. [About obscene expressions of the Russian language Language. Folklore. Literature]. In: *Antimir russoj kul'tury. Yazyk. Fol'klor. Literatura*. [Antiworld of Russian culture]. Moscow, 1996.

Austin J. *Slovo kak dejstvie*. [The word as an action]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Searle J.R. *Klassifikaciya illokutivnyh aktov*. [Classification of illocutionary acts]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Searle J.R. *Chto takoe rechevoj akt?* [What is a speech act?]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Strawson P. *Namerenie i konvenciya v rechevyh aktah*. [Intention and convention in speech acts]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Tarski A. Introduction to logic and methodology of deductive sciences. *Vvedenie v logiku i metodologiyu deduktivnyh nauk*. [Introduction to logic and methodology of deductive sciences]. Moscow, 1948.

Trofimova N.A. *Ekspressivnyye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskij, pragmaticheskij, grammaticheskij analiz*. [Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. St. Petersburg, 2008.

Shatunovskiy I.B. *Perlokutivnye dejstviya i ih vidy: kak dejstvovat' slovami, dejstvuya slovami*. [Perlocutionary actions and their types: how to act with words, acting with words]. In: *Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna»*. [Bulletin of the State University "Dubna"]. 2016. No. 1.

Shatunovskij I.B. *Perlokutivnye dejstviya i ih vidy: kak dejstvovat' slovami, dejstvuya slovami1 (prodolzhenie)*. [Perlocutionary actions and their types: how to act with words, acting with words1 (continued)]. In: *Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna»*. [Bulletin of the State University "Dubna"]. 2017. No. 1.

List of Sources

Arkady Matsanov. *Korotkim letom na Lene*. [Short summer on Lena]. 2014. URL: <https://litbook.ru/article/6137/>

Yuri Dombrovsky. *Obez'yana prikhodit za svoim cherepom*. [The monkey comes for his skull]. Part 3. 1943–1958. T. 2. Moscow, 1992. URL: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/dombrovsky2.txt>